

Февраль 1861

Газеты наполнены предсказаниями, что к весне готовятся в Западной Европе очень значительные события. Но какова бы ни была важность этих ожиданий, читатель не удивится, если и в нынешний раз большая половина нашего обозрения будет посвящена северо-американским делам, которые в прошлом месяце заставили нас почти совершенно забыть о Европе. На Северную Америку указывают западно-европейские прогрессисты, когда слышат, что их идеалы неосуществимы. Выставлением дурных сторон северо-американской жизни доказывают западно-европейские консерваторы гибельность теорий, защищаемых прогрессистами. Словом сказать, обе главные партии Западной Европы одинаково считают Северную Америку образцовой страной для проверки своих убеждений; дурное мнение о ней представляется опорой для существующих западно-европейских отношений; хорошее мнение о ней возбуждает к желанию преобразовать их. Кризис, переживаемый теперь Северной Америкою, не может остаться без очень сильного влияния на судьбу цивилизованного света. Если он приведет к результату, предсказываемому теперь почти всеми в Западной Европе, опустятся руки у одной партии и перейдет общественное мнение на сторону другой; если же развязка дел в Северной Америке будет иная, то и в Западной Европе значительно ускорится ход событий. Разумеется, и в том и другом случае влияние северо-американской истории на западно-европейскую обнаружится не вдруг, не одним каким-нибудь эффектным фактом, происхождение которого прямо из какого-нибудь американского события можно было бы указать. Нет, отношение тут иного рода, связь тут не в каких-нибудь частных фактах, а в общем расположении западно-европейской мысли держаться старины или стремиться вперед, бояться будущего или надеяться всего хорошего от него. Связь тут не внешняя, не мимолетная, обнаруживающаяся не какими-нибудь частными фактами, а связь, проникающая в самый корень западно-европейских событий; пример Северной Америки — по-

стоянная сила, которая должна будет или привлекать Европу на известный путь, или отталкивать от него. В год или в два, быть может, и нельзя будет открыть перемен в западно-европейской истории от развязки нынешнего северо-американского кризиса; но зато целые десятки лет будет действовать он на ее направление, как самое основание Северо-Американского Союза действовало прежде, — только с тою разницею, что теперь пример подается не малочисленным племенем, слабым сравнительно с западно-европейскими государствами, а могущественною нациею, которая уже заняла одно из первых мест между всеми государствами по своей внешней силе. Вникнуть в характер такого кризиса, постараться разгадать его запутанные обороты, предусмотреть его исход, — это задача мало интересная для соображений о европейских событиях наступающего лета или следующей зимы, но очень важная для того, чтобы оценить будущее движение политических идей, которым станут определяться события целого нашего и, быть может, следующего за нами поколения.

В прошедший раз мы говорили о том, что, несмотря на сходство политических учреждений во всех 33 (или ныне с принятием Канзаса 34) штатах Северной Америки, существовали в Северо-Американском Союзе две страны, по всему характеру своей жизни более различавшиеся между собою, чем Турция различается от Англии или Китай от Франции. Север и Юг начали так резко различаться между собою не с той только поры, когда на крайнем Юге начало гигантски возрастать возделывание хлопчатой бумаги, — этот факт послужил только широким полем для развития прежних особенностей южной жизни. Если бы не требовалась хлопчатая бумага, возделывались бы точно таким же порядком сахар, кофе и табак: они и теперь возделываются в очень большом размере и лишь заслоняются хлопчатую бумагою, потому что мало рук остаются для них на Юге. Дело в том, что на Севере земля занималась простолюдными, до энтузиазма любившими труд и бежавшими из Англии, чтобы стать за океаном людьми независимыми: каждый из этих людей отыскивал себе кусок земли, который мог бы дать полное занятие труду его семьи, но не больше, потому что единственными работниками на него были он сам и его подраставшие сыновья. Север с самого начала был, как теперь остается, странною поселян-собственников, перед массою которых исчезают все другие сословия. В Пенсильвании, например, чрезвычайно развиты рудоплавные заводы и железные фабрики; в Новой Англии — мануфактурная промышленность всякого рода, а город Нью-Йорк стал самым громадным центром всесветной торговли после Лондона. Но эти фабричные работники и рудоплавщики вышли из тех же поселян, и большинство их снова сделается через несколько лет поселянами, уступив свое место новым людям, все из тех же поселян.

А громадный город Нью-Йорк для массы своего населения также лишь временная станция, где человек останавливается на несколько лет, чтобы собраться со средствами для переселения на Запад, на котором станет он поселянином. Фабриканты и купцы Севера вышли большею частью из простолюдинов, и дети или, много, внуки их опять становятся простолюдинами, потому что богатство на Севере не любит долго держаться по наследству. Если в некоторых больших городах и существуют малочисленные группы семейств, издавна держащихся в положении, сходном с высшими и средними классами еврейского общества, то не только эти малочисленные группы, исчезающие в массе городского населения, но и сами города не могут приобрести господства над политикою Севера: она зависит от поселян. Очень ярким примером тому послужил последний президентский выбор в Нью-Йоркском штате. Город Нью-Йорк, как мы уже замечали в прошлый раз, дал огромное большинство демократам; поселяне Нью-Йоркского штата вотировали за республиканцев, так что по общему счету голосов целого штата очень большой перевес остался за республиканцами, несмотря на то, что целая четверть жителей всего штата сосредоточена в одном городе Нью-Йорке, стоявшем за демократов. Если громадный город Нью-Йорк не имеет господства над политикою и самого Нью-Йоркского штата, то можно судить о степени силы поселян в политике целого Севера. А сельское население Севера все состоит из людей, которые не служат никому работниками и сами не имеют работников: каждый земледелец там независимый собственник земли, которую возделывает¹.

Совершенно иное дело на Юге. Старинные южные штаты возникли через пожалование земель королями в награду придворным. Самые имена этих штатов показывают характер сословия, господствовавшего в них. Виргиния названа в честь Елисаветы², королевы-девушечницы; далее к югу лежат две Каролины, еще южнее — Георгия. Во время борьбы англичан со Стюартами³ эти южные штаты сочувствовали Стюартам. Уже и тогда, как теперь, масса белых состояла там из жалкой толпы, находившейся в полной нравственной зависимости от богатых землевладельцев, огромные поместья которых занимали почти всю площадь старинных южных штатов. Когда стали основываться на Юге новые штаты, в них переходил гражданский быт старых штатов, переселенцами из которых они основывались. Только в последние годы прилив переселенцев с Севера стал вводить гражданский быт в северной окраине южных пограничных штатов (Виргиния, Кентукки, Теннесси, Миссури) и на западной границе южных поселений (в Техасе и Канзасе). На всем остальном пространстве Юга господствует поземельное устройство, какое было в средневековой Европе. Почти вся земля сосредоточена в немногих руках: гораздо более половины ее со-

ставляют какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч громадных поместий; между ними разбросаны тысяч 100 или 120 небольших поместий, владельцы которых находятся в такой же зависимости от своих могущественных соседей, как в старинной Польше небогатые паны находились в зависимости от магнатов; а масса белого населения на Юге живет под разными наименованиями в нахлебничестве у больших землевладельцев, вроде того, как толпы шляхты жили при магнатских дворах. По распределению поземельной собственности северо-американский Юг сходен с Англиею, но не сходен с нею устройством сельских хозяйств. В Англии сельским хозяйством занимаются капиталисты, берущие землю в наем у владельцев, а сами владельцы огромных поместий, вообще говоря, не занимаются сельским хозяйством. На северо-американском Юге таких капиталистов нет: землевладельцы должны сами вести хозяйство своих поместий, не имея людей, которым бы сдавать землю в наем; действительно, кому была бы охота платить за наем земли, когда каждый может, отправившись на Запад, взять себе в собственность землю почти задаром? Но землевладельцы Юга — знатные люди, гордящиеся своим происхождением от средневековых английских вельмож, — они даже уверены, что теперь они одни в целом свете должны считаться истинными аристократами: по своим фамилиям они старше английских лордов, большинство которых произведено в знать из простолюдинов в недавнее время; только в Сен-Жерменском предместьи⁴ живут люди, равные им по знатности; но сен-жерменские аристократы не умели сохранить ни своих прав, ни власти над государством, только они одни, землевладельцы северо-американского Юга, умели сберечь своим штатам то счастье аристократического господства, которым пользовалась Западная Европа до французской революции. Могут ли такие важные и блистательные люди быть какими-то поземельными лавочниками, какими бывают в Европе землевладельцы, ведущие в своих поместьях собственное хозяйство? При свободном труде большое поместье становится какою-то земледельческою фабрикою, владельцу которой надобно с утра до ночи сидеть за счетами, следить за каждою копейкою. Вот собственно в этом обстоятельстве и заключается причина необходимости невольничества для южных плантаторов. Они не могут по своим привычкам вести много хозяйства, кроме такого, которое шло бы спустя рукава, не требовало бы от хозяина ни хлопот, ни расчетливости, ни коммерческого искусства.

Таким образом, Северо-Американский Союз с самого начала разделялся на две половины, имевшие при одинаковости политических форм совершенно различное общественное устройство. Пока шло дело об упрочении политических форм, о развитии государственной жизни сообразно с формальными принципами конституции, о том, чтобы искоренить в Америке остатки

политических понятий, свойственных европейскому государственному порядку, разница гражданского устройства ни в чем не мешала ни Югу, ни Северу. И там, и здесь общественное мнение колебалось между двумя направлениями, имевшими своих приверженцев по всему пространству Союза. Были люди и на Юге и на Севере, думавшие удержать из английских политических понятий все, что одинаково применяется и к конституционной монархии и к республике: в Англии все местные власти безусловно подчинены парламенту, власть которого безгранична; в Америке можно было бы поставить каждый отдельный штат в такую же полную зависимость от конгресса, в какой стоят английские графства от английского парламента. Люди такого направления назывались в Америке вигами. Но отчасти по вражде ко всему английскому, долго господствовавшей между американцами после войны за независимость, отчасти по решительному перевесу прогрессивного стремления в Америке, отчасти, наконец, по преданию прежнего быта, когда тринадцать колоний, назвавшихся по отторжении от Англии штатами, были колониями, совершенно независимыми друг от друга, — существовало между американцами и другое направление, стремившееся к тому, чтобы довести до крайнего развития принцип самоуправления, еще не успевший в Англии проявиться со всеми своими логическими последствиями. По принципу этому, наследованному американцами от англичан, должно происходить мимо всякого правительственного участия все, что может происходить без него; все, что может считаться частным делом, должно оставаться частным делом. В жизни отдельных людей, пожалуй и в жизни каждого отдельного города, это правило принято англичанами. Но исчерпываются ли тем логические последствия принципа? Если каждый частный человек и, пожалуй, каждый город не спрашивает у парламента разрешения по своим частным делам, то не должна ли такая же независимость от государственного правительства принадлежать каждой области? Англичане слишком много присвоили центральному правительству: все, что может быть передано из его заведывания во власть местных правительств, должно быть передано им в независимое распоряжение, — люди такого направления назывались в Америке демократами. С самого начала это стремление развивать самостоятельность местных правительств и администраций пользовалось в Америке популярностью, так что виги, желавшие сделать конгресс властью, по возможности похожую на английский парламент, не могли прямо обнаруживать своих мыслей в полной силе; но все-таки видно было, что они хотят усилить центральную власть на счет прав отдельных штатов. При их осторожности и ловкости много понадобилось демократам времени на то, чтобы окончательно победить своих противников. Борьба эта кончилась всего лишь лет 15 тому назад: около 1845 года партия вигов

совершенно пала, и исчезло всякое опасение за право каждого отдельного штата на полную независимость от центральной власти по всем его внутренним делам. Но когда кончился спор о политических формах, выступили на первый план вопросы гражданского быта, заслонявшиеся до этой поры политическими. Прежде северные люди говорили против невольничества, но они были или виги, или демократы, действовали вместе с вигами или демократами Юга и отвращение их к невольничеству оставалось частным, если угодно, литературным или религиозным чувством, еще не имея общественного значения для Юга. Теперь, когда демократическая партия истощила свою политическую программу и уже не видела перед собою противников, она стала распадаться сама на два отдела по вопросу о гражданском устройстве. Мы видели, что оно имело на Севере демократический, на Юге аристократический характер. На Севере и на Юге явились люди, желавшие придать гражданскому быту Юга такой же порядок, какой был на Севере. Число их в обеих половинах Союза было сначала не велико. Но чрезвычайно опасным для Юга показалось направление их мыслей, потому что нападали они на такую черту южного устройства, которая была по своей сущности слишком неспособна выдерживать критику. Мы видели, что в хозяйственном быту аристократия Юга основывалась на невольничестве. Господствующий класс имел привычки, несовместные с ведением хозяйства на коммерческом основании: а получать доходы с своих земель не мог он никаким другим способом, кроме господского хозяйства по недостатку капиталистов, которым отдают в аренду свои земли английские землевладельцы. Отменить невольничество — значило бы для южных землевладельцев или изменить свой образ жизни, или увидеть себя в необходимости продавать земли. Но возможно ли опровергнуть противников невольничества? Южные аристократы могли только заставить их замолчать. В своих штатах они так и сделали; но через это вопрос принял новый оборот. В южных штатах были уничтожены основные права северо-американского гражданина — свобода убеждений, свобода высказывать их, безопасность от произвольных притеснений. Было запрещено писать и говорить против невольничества: люди, желавшие его отмены, были наказываемы и изгоняемы. Уничтожив своих противников на Юге, рабовладельцы восстановили против себя Север. Действительно, мало им было пользы господствовать на Юге, если на Севере оставалась свобода говорить против невольничества. Юг был принужден стремиться к стеснению свободы речи и на Севере. Эта претензия высказывалась постоянно и наконец была официально выражена в «сообщении» (message) Буханана конгрессу 5 декабря прошедшего года. Президент говорил, что главная причина опасений Юга — то обстоятельство, что на Севере издаются газеты, печатаются книги, говорятся речи, порицающие невольни-

чество; если Север не откажется от этого, то есть если на Севере не будет запрещено порицать невольничество, Юг не может примириться с Севером, по словам Буханана. В прошлом обозрении мы говорили, что северные штаты были принуждены к нарушению тех своих законов, которыми уничтожалось в них невольничество.

Словом сказать, демократическая партия, проводя до последних логических выводов принцип самоуправления, принцип независимости каждого округа в частных делах, забывала об одном условии, необходимом для осуществления этого принципа: разные части одного государства могут, независимо одна от другой, действовать в гармонии меж собой лишь тогда, когда гражданский быт всех частей существенно одинаков; разнообразие местных законов и распоряжений не будет нарушать государственного единства лишь тогда, если коренные гражданские законы одинаковы, если основные стремления местных властей имеют одинаковую цель. Иначе столкновения между разными частями могут лишь на время сглаживаться политической необходимостью, — например, внешними опасностями от иноземных держав или борьбою из-за политических форм; но не замедлят обнаружиться в полной силе, когда эти посторонние задержки будут побеждены. Мы говорили, что так и случилось, лишь только борьба из-за политических форм была в Соединенных Штатах покончена победою демократической партии. Явилась необходимость привести в гармонию южные и северные гражданские отношения.

Общий ход цивилизации не оставляет никакого сомнения в том, которые из них изменятся: очевидно, что не северные учреждения станут одинаковы с нынешними южными, а напротив, уничтожится в южных штатах невольничество, с которым не согласны законы Севера и которое служит основанием южного гражданского устройства.

Это опасение, влагаемое в южных рабовладельцев общим характером прогресса во всех цивилизованных странах, усиливалось особенными отношениями северо-американского прогресса, предвещавшими с хронологической точностью эпоху, когда Север займется преобразованием южных учреждений. По конституции Соединенных Штатов, число депутатов каждого штата в палате представителей определяется сообразно числу жителей, оказывающемуся при всеобщей переписи, которая производится через каждые десять лет, — первая такая перепись была сделана в 1790 году; по каждой следующей переписи оказывалось, что население в свободных штатах увеличивается быстрее, чем в невольнических, и после каждой новой переписи увеличивалась в палате представителей пропорция депутатов свободных штатов, уменьшалась пропорция депутатов невольнических штатов. В нынешней палате представителей, составленной по переписи

1850 года, невольнические штаты имеют 90 депутатов, а свободные 147. Конституция Соединенных Штатов предусматривает случай, что могут современем понадобится изменения в ней, и определяет законный порядок, которым должны производиться такие изменения. Для этого нужно, чтобы в той и другой палате конгресса изменение было принято большинством двух третей. При нынешнем составе палаты представителей общее число депутатов — 237; две трети этого числа будут 158. Мы видим, что свободным штатам недоставало лишь 11 голосов для составления большинства в требуемые конституциею две трети. По сравнению прибавки, доставлявшейся свободным штатам каждою переписью, оказывалось, что они приобретут более 11 голосов по переписи 1860 года и будут иметь более двух третей всего числа голосов в палате представителей на основании этой переписи. Правда, что в сенате такая пропорция не могла составиться слишком скоро: в сенат каждый штат посылает по два сенатора. В последнее время считалось в Союзе 15 невольнических и 18 свободных штатов; из 66 сенаторов свободным штатам принадлежало 36 человек; эта цифра еще далека от того, чтобы составлять две трети голосов. Конечно, следовало ожидать возникновения новых свободных штатов, и, например, в начале нынешнего года признан новый штат Канзас с конституциею, не допускающею невольничества. Но все-таки еще очень далека эпоха, когда прибавится столько новых свободных штатов, чтобы сенаторы Севера составили целых две трети всего числа сенаторов. Повидимому, это должно было успокаивать Юг; но успокаивало мало. Будучи собранием, возникающим из выборов, сенат в Соединенных Штатах имеет гораздо больше силы, чем верхние палаты конституционных европейских государств; но все-таки он не имел бы нравственной силы долго устоять против требования палаты представителей, поддерживаемой громадным большинством нации. А главная опасность находилась и не в сенате и не в палате представителей. Читатель знает, что для выбора президента назначаются от каждого штата особые избиратели, число которых равно числу депутатов и сенаторов, посылаемых штатом в конгресс. Например, штат Миссури по переписи 1850 года посылает в палату представителей 7 депутатов и, подобно прочим штатам, двух депутатов в конгресс; потому он назначает 9 человек избирателей в коллегия, избирающую президента. По переписи 1850 года число депутатов 237, а число сенаторов в прошлом году было 66; потому коллегия избирателей имеет 303 голоса. Из них 15 невольнических штатов имеют 120 голосов. Им надобно было приобрести только 32 голоса в свободных штатах, чтобы получить большинство. Но перепись 1860 года должна была доставить такой огромный перевес избирателей свободных штатов, что невольнические штаты уже не могли рассчитывать на привлечение к себе из них той слишком

значительной части, какая была нужна для составления большинства. Потому невольничьи штаты должны были потерять надежду склонять президентские выборы в свою пользу, когда выборы станут происходить по переписи 1860 года. Проверка и обработка данных, доставляемых переписью, требует довольно долгого времени, и распределение голосов сообразно новому цензу должно было произойти в нынешнем или в следующем году. Президентские выборы 1860 года оказывались последними, на которых Юг может одержать победу. Выборы следующего срока (1864 года) непременно должны были обратиться против Юга. А достаточно было Союзу получить президента, неблагоприятствующего невольничеству, чтобы явилась надобность отменить это учреждение в некоторых штатах. В прошедший раз мы говорили, как ограничена власть президента; он собственно может только наблюдать за исполнением существующих союзных законов. Но и это уже опасно для невольничества в пограничных штатах. Охранение свободы мнений в них скоро привело бы к отменению невольничества в Миссури, Кентукки, Теннесси, Мериленде и Делаваре: оно поддерживается в этих штатах уже только насильственными действиями местных правительств против той части белого населения, которая враждебна ему и привлекла бы на свою сторону большинство при охране свободы мнений союзною властью.

Потому очень давно, еще в 1851 или 1852 году, приверженцы невольничества решили подготовить отторжение Юга к 1860 году. Вот из «New York Times» статья, излагающая ход этого дела:

«В последние три месяца поразительные события так быстро следовали одно за другим, что у нас едва доставало времени записывать их. Мы были так заняты самими явлениями, что не успевали изучать их происхождения. Наглое воровство, бесстыдная измена общественному доверию, предательство сановников, сдача фортов и военных запасов, обезоружение одной части Союза для вооружения другой, заговор в кабинете министров для низвержения правительства, — эти невероятные события шли так быстро, что мы только могли смотреть на них с немым удивлением.

Все эти факты, казавшиеся отрывочными и несвязанными, были, однако же, гармоническими частями обдуманного плана, одурачившего нас, людей Севера, мирных и чуждых подозрения. Кто изучал это дело, тот знает, что в штатах Мексиканского залива уже много лет существует партия, твердо решившаяся оторваться от Союза, духу которого она враждебна. Последнею целью этой партии было образование обширного рабовладельческого государства, которое захватило бы острова Мексиканского залива и страны на южном берегу его. Было время, когда казалось, что план этот осуществится посредством Уокера. Неудача слабых экспедиций, посланных под его начальством на Кубу и в Центральную Америку, только усилила чувство, из которого возникли эти попытки, и заставила подумать о приобретении средств к снаряжению сильнейших экспедиций. Потому заговорщики стали хлопотать, чтобы захватить в свои руки союзное правительство и принудить его содействовать их целям или по крайней мере обезоружить через него Север и вооружить Юг, чтобы доставить Югу средства для войны не только оборонительной, но и наступательной. Мы теперь знаем, что г. Буханан был выбран президентом на том условии, чтобы содействовать видам крайней

ложной партии. Три главные предводителя нынешних сепаратистов сделали его министрами: Кобб — министром финансов, Томпсон — внутренних дел, Флойд — военным министром. Все делалось по их плану: президент был гибким орудием в их руках. Но события показали, что власть скоро ускользнет из их рук (северные демократы вознегодовали на раболепство Буханана перед плантаторами и под предводительством Дугласа начали противиться чрезмерным притязаниям южных демократов, поняв наконец, что иначе демократическая партия исчезла бы в северных штатах). Дуглас стал неизбежным кандидатом демократической партии при выборе нового президента. Плантаторы решились отложиться от Союза. Главным действующим выбрали они Дэвиса (избранного теперь президентом южной конфедерации). Будучи президентом комитета военных дел в сенате, он пользовался большою властью над всеми военными распоряжениями. Исполняя его программу, военный министр Флойд начал пересылать с Севера на Юг оружие и военные запасы, выбирая для них такие места, где сепаратистам было бы легко захватить их. Чтобы снабдить южную конфедерацию деньгами, Флойд стал выдавать фальшивые квитанции, которые охотно покупались северными капиталистами, не подозревавшими в них подлога. Этим средством были приготовлены деньги для военной кассы южной конфедерации. Офицеры союзной армии были перемещаемы так, чтобы те из них, которые находились в связи с сепаратистами, командовали на всех пунктах, нужных для успеха заговора, и могли по данному сигналу отдать сепаратистам форты и магазины в южных штатах. Офицеры, считавшиеся верными Союзу, были удаляемы из южных штатов. В конце прошлой сессии конгресса Дэвис успел провести закон, запрещавший военному министру покупать оружие у мастеров и заводчиков, имевших привилегию (предлогом этого запрещения было то, что мастера, взявшие привилегию, продают свое патентованное оружие по цене слишком дорогой); цель тут состояла в том, чтобы правительство не имело в запасе усовершенствованных ружей, пушек и т. д. Министру финансов Коббу была назначена та роль, чтобы расстроить финансы, подорвать кредит правительства (и действительно, когда Кобб уехал из Вашингтона, бросив свою должность, он оставил кассу союзного правительства пустой, а кредит его в большом упадке), чтобы правительство не имело финансовых средств бороться с Югом. Обязанности министра внутренних дел Томпсона были очень многосложны: он должен был служить посредником между заговорщиками и людьми, которых вовлекали они в заговор, и подготавливать для сепаратистов возможность овладеть на Юге имуществом Союза. Все южные форты были приведены в такое состояние, чтобы заговорщики овладели ими без сопротивления. Президент помогал заговорщикам.

Сепаратистам удалось исполнить почти все, о чем они хлопотали. Выбор Линкольна послужил сигналом кризису. Сепаратисты захватили в южных штатах все важные форты, за исключением форта Монро в Виргинии, форта Сёмтера в Чарльстоне, форта Пикенса во Флориде, и еще двух фортов. Все запасы оружия, посланного на Юг, также были захвачены ими. Флойд позаботился оставить эти арсеналы беззащитными. Таким образом, сепаратисты приобрели запас оружия для формирования 30-тысячной армии. Все это оружие несколько месяцев тому назад находилось в северных арсеналах. Ценность союзного имущества, переданного заговорщиками в руки сепаратистов, простирается до 15 миллионов долларов.

Какую же цель имеет это воровство? Дать Югу средства, — во-первых, для обороны, если понадобится оборона, а потом для нападений, — не на Север, а на Мексику и Кубу. Как только освободится от опасности нападения с севера формирующаяся теперь южная армия, она будет двинута на Мексику. Юг считает необходимым завоевать для себя тропические земли; с этой целью он и отложился от Союза».

Читатель знает, как удачно идет дело отторжения. В прошедший раз мы говорили о пяти штатах, отложившихся от

Союза; по нынешним известиям, доходящим до 5 февраля, число их увеличилось еще двумя, и теперь уже семь штатов крайнего Юга: Южная Каролина, Георгия, Флорида, Алабама, Миссисипи, Луизиана и Техас отложились от Союза. Вот в каком положении находились дела по последнему из прочтенных нами писем нью-йоркского корреспондента «Times'a»:

«Нью-Йорк, 5 февраля.

Распадение достигло теперь второй своей степени, воссоздания. Конвент депутатов отделившихся штатов собрался вчера в Монтгомери, чтобы составить Союз невольнических штатов на основании нынешней союзной конституции, с нужными для этих штатов переменами. О действиях этого конвента известно здесь ныне еще только то, что президентом своим выбрал он Кобба (который был влиятельнейшим министром в кабинете Буханана и сложил с себя должность министра лишь два месяца тому назад, чтобы стать одним из предводителей сецессионистского движения). Программа конвента следующая: новый Союз принимает конституцию прежнего Союза; избирается временная исполнительная власть; формируется армия, главнокомандующим которой назначается Джефферсон Дэвис (Джефферсон Дэвис — представитель самых ожесточенных сецессионистов); на покрытие союзных расходов принимается система доходов прежнего союзного правительства, пока не будет устроена другая система доходов. Отправляются в Европу посланники, чтобы получить от европейских правительств признание нового государства; открывается в новый Союз доступ другим невольническим штатам. Таким образом, с нынешнего дня раздор принимает новые размеры. До сих пор союзное правительство великого государства имело против себя отдельные штаты; теперь уже только остатки прежнего Союза, — правда, остатки, сильные богатством, могуществом и историческими воспоминаниями, но потерпевшие нравственный удар от мятежа хлопчатобумажных штатов, — имеют против себя Союз этих штатов, превозносящихся неожиданным успехом и надеющихся, что к ним присоединятся все другие невольнические штаты. Отпавшие штаты не обнаруживают никаких признаков желания вернуться назад. Южная Каролина продолжает вооружаться.

Север пока бездействует. Во многих больших городах собираются митинги, выражающие приверженность к Союзу. Но это мало поможет, если конвент, заседающий ныне в Вашингтоне, не придумает какого-нибудь способа удержать пограничные невольнические штаты в союзе с Севером. Этот конвент состоит из депутатов пограничных невольнических штатов, граничащих с ними свободных штатов и почти нескольких северных штатов. Демократы Нью-Йоркского и других свободных штатов, граничащих с невольническими, возлагают большие надежды на этот конвент; но я не разделяю их надежд.

Канзас принят в Союз, как новый штат с конституциею, воспрещающею невольничество. Многие республиканцы готовы находить, что существенная сторона дела выиграна ими через это и что относительно остальных территорий можно им согласиться на компромисс. Принятие Канзаса в число штатов было первою мерою в проекте соглашения, которого держался Сьюард. Теперь Канзас принят, и члены республиканской партии в конгрессе смягчились. Сьюард, представитель будущего правительства, расположен в пользу компромисса. Он полагает, что спор о невольничестве практически разрешился принятием Канзаса в число штатов; что отвлеченная сторона этого спора должна быть принесена в жертву живому вопросу о сохранении Союза. Не может ли масса республиканской партии быть склонена к пожертвованию прежнею своею программою? До сих пор мне казалось, что не может. Но теперь приверженцы Союза твердо надеются на успех. Однакоже часть республиканской партии будет сильно противиться этому; она утверждает,

что расторжение Союза неизбежно и что остается только определить, где будет линия границы. Предводители республиканской партии отвергают всякую мысль действовать против южных штатов насильственными мерами. Таким образом, каково бы ни было решение дела, можно надеяться, что мир будет сохранен, если сам Юг не принудит Север к войне нападением на те форты в южных штатах, которые еще заняты союзными войсками».

Итак, дело, повидимому, кончено. Хлопчатобумажные штаты организовались в особенное государство. Предводители республиканской партии отказываются от мысли возвращать отложившуюся часть в Союз силою' оружия. Северные противники невольничества, конечно, пристыжаются теперь северными демократами, бывшими союзниками плантаторов. Но тон газеты «New-York Herald», главного органа плантаторской партии, противоречит такому ожиданию. До последнего времени «New-York Herald» чрезвычайно храбрился, доказывал могущество Юга, бессилие северных республиканцев, порочил их на чем свет стоит, провозглашал, что они будут принуждены на коленях просить прощения у Юга. Посмотрите же, как теперь переменялся тон этой газеты, — мы на удачу берем одну из статей последнего дошедшего до нас номера:

«С 20 декабря, со дня знаменитого объявления Южной Каролины, дело отторжения в хлопчатобумажных штатах, подобно неукротимому разливу, развивается, низвергая все препятствия. Менее чем в течение одного месяца были выбраны, сошлись и кончили свое дело конвенты Флориды, Миссисипи, Алабамы и Георгии, и каждый из этих штатов ныне, по мнению своего народа, стоит, подобно Южной Каролине, в положении независимой республики, избавившейся от всякой обязанности повиноваться общему правительству Соединенных Штатов. К 4 марта ожидают, что список этих независимых государств увеличится Луизианою, Техасом и Арканзасом, и есть на Юге несколько энтузиастов, верящих, что все южные штаты отделятся от Союза перед тем днем или очень скоро после того дня, когда республиканская партия получит власть в Вашингтоне.

Между тем местные власти пяти отделившихся хлопчатобумажных штатов приготавливаются составить общий конвент в Атланте (в Георгии) или в Монтгомери (в Алабаме), чтобы устроить общее правительство южной конфедерации. А пограничные невольнические штаты и Северная Каролина, Теннесси и Арканзас, составляющие второй ряд южных штатов, осторожно ведут дело отторжения — или избегая всякого действия, или стараясь уравновесиваться так, чтобы могли потом перейти куда угодно: или к северным штатам, или к южным, смотря по тому, как пойдут дела в Вашингтоне. Но если мы вспомним, что в этом деле отторжения участвуют две партии, — партия положительного, окончательного, безусловного отделения от Севера и партия, думающая преобразовать союзное правительство с новыми гарантиями в охранение невольничества, то становится вероятно, что все пограничные невольнические штаты могут решиться выйти из Союза и вступить в южную конфедерацию с целью направить ее политику к воссозданию Союза.

Другими словами: если штаты Делавар, Мериланд, Виргиния, Кентукки, Миссури, Северная Каролина, Теннесси и Арканзас выйдут из Союза и присоединятся к южной конфедерации, то цель их в этом будет двоякая: с одной стороны — вытребовать от Севера удовлетворительные условия к возвращению в Союз, а с другой стороны — заставить хлопчатобумажные штаты возвратиться в Союз, если от враждебного невольничеству Севера будут получены удовлетворительные уступки в ограждении невольничеству.

Мы полагаем, что при надлежащем испытании южная партия окончательно и безуступчивого отторжения от Севера окажется, по народной баллотировке, в решительном меньшинстве во всех южных штатах, кроме одной только Южной Каролины. Мы думаем также, что если на Севере будет предложен на одобрение народа Криттенденов компромисс для сохранения союза и мира, то он будет одобрен во всех северных штатах, кроме, быть может, Массачусетса. В один день вся эта революционная комедия была бы мирно развязана американским народом в пользу сохранения Союза, если бы какая-нибудь сделка вроде Криттенденова компромисса была предложена на народную баллотировку во всех штатах.

Ясно как день, что если не будет со стороны конгресса какой-нибудь примирительной меры, то обязанность президента Линкольна ограничится только исполнением нынешних союзных законов, требующих собирания союзных доходов и возвращения захваченной местными властями некоторых южных штатов союзной собственности, как, например, портов, arsenалов и т. д. Если г. Линкольн будет продолжать дальновидную и благородную снисходительность г. Буханана, то он еще может отворотить войну. Но республиканские оракулы говорят об этом все в один голос, — голос этот — тот, что покорность законам будет вынуждена от южных штатов во что бы то ни стало. Если в течение недолгого срока жизни, остающегося нынешнему конгрессу, не будет установлен какой-нибудь компромисс, то, быть может, последний день его и последний день кончающегося президентства будет также последним днем всех наших надежд на восстановление Союза и первым днем бедственной междоусобной войны. Что тогда?

Сила и ответственность принадлежат республиканской партии. Она может водворять мир, восстановить Союз. Обе палаты конгресса теперь в ее руках. Она должна только отказаться от двух-трех пустых абстрактностей — и благое дело будет совершено. Криттенденов компромисс откроет путь к миру и воссоединению, если будет предложен на народную баллотировку. Если же не будет какой-нибудь подобной меры для ободрения союзной партии в южных штатах, то партия эта будет подавлена сецессионистами, тяготеющими над нею даже и в пограничных невольнических штатах, и правительству нового конгресса и нового президента останется тогда лишь один выбор: или междоусобная война, бедственная для обеих сторон, или чрезвычайное заседание конгресса для признания независимой южной конфедерации».

Что же это такое? — просьба к Линкольному и к его партии о том, чтобы они поступали великодушно, снисходительно. Значит, дела отторгнувшихся штатов не слишком хороши. Оно так и должно быть по тем объяснениям, которые представлены нами в прошедшем обозрении. Кто усомнится в том, пусть прочтет следующий отрывок из вашингтонской корреспонденции «New-York Herald'a», этого Монитёра сецессионистов:

«Вашингтон, 20 января.

Письма из Чарльстона изображают положение дел там в мрачном свете. Рабовладельцы, платившие прежде по $\frac{3}{4}$ доллара налога с каждого своего невольника, теперь должны платить по 16 долларов. Таким образом, г. Экен (бывший губернатор Южной Каролины) должен был заплатить 50 тысяч долларов налога. Он объявил начальству, что не может заплатить, потому что у него нет денег. Ему на это отвечали, что он может продать своих негров, и действительно он продал часть их на уплату налога, а другим почти всех перевез в Виргинию и сам уехал в Европу. Двум книгопродавцам было определено платить по 1000 долларов налога. Они отказались платить».

Им отвечали: книг у вас больше, чем на эту сумму. — Гораздо больше, отвечали они, собрали свой товар и уехали из Чарльстона на Север.

Явился проект — выкупить всех негров в штатах Делаваре, Мериленде и Миссури и сделать эти штаты свободными: на это требуется 91 миллион долларов. Этот план возбуждает большое внимание; республиканцы считают его практичным; по принципу они не признают права собственности над человеком; но в этом случае готовы отступить от принципа. Многие из них говорят, что так же надобно сделать свободными штатами Арканзас, Техас и Луизиану. Многие из южных джентльменов одобряют этот план, разногласия между собою только в том, что сделать с освобожденными невольниками. Из северных людей многие говорят: пусть они остаются в прежних штатах; платите им за работу, и они привыкнут сами заботиться о своей судьбе. Другие, в том числе рабовладельцы обеих партий, и республиканской и демократической, говорят: переселим их в Центральную Америку. Это последнее предложение быстро приобретает популярность. Очень хорошо также принимается здесь предложение, сделанное на днях г. Фуллертоном. Он хочет, чтобы союзное правительство выкупило невольников во всех пограничных штатах и перевезло их в Гаити или в Либерию. То или другое предложение скоро будет внесено и в сенат и в палату представителей».

Часть этих фактов мы уже предсказывали в прошедшем обозрении: Юг совершенно зависит от Севера в торговом и денежном отношении; разрыв с Севером должен был тяжело отозваться в отделившихся штатах. Но проект о выкупе невольников в трех из пограничных штатов — новая черта дела. По рассказу видно, что больше хлопочут о нем демократы, — республиканцы выставляются только соглашающимися, да и то не все: некоторые из них отвергают проект, находя, что самое понятие выкупа противоречит их принципу. По сведениям, находящимся в прошлом нашем обозрении, очевидно, что именно демократы, до сих пор отстаивавшие невольничество, должны теперь хлопотать о выкупе невольников в пограничных штатах. Мы знаем, что при расторжении Союза Север избавится от обязанности возвращать бежавших невольников и невольники из пограничных штатов уйдут тогда в северные штаты.

Но интерес партии, господствующей в пограничных невольничьих штатах, еще сильнее требует хлопот о восстановлении единства между Югом и Севером. Многочисленны люди, старающиеся о том и на Севере. Даже в отделившихся штатах, как мы говорили прошлый раз, большинство населения с самого начала хотело сохранить Союз. Конвенты, благоприятные отторжению, составились только потому, что в выборах участвовало лишь меньшинство народа, терроризировавшее массу населения, которая и не являлась на выборы. По принципу американского устройства следовало предложить на утверждение всех граждан штата такую важную перемену, как декрет о расторжении Союза. На это не решился ни один конвент отторгнувшихся штатов, боясь, что большинство народных голосов будет за Союз. В пограничных штатах, конечно, еще незначительное меньшинство, желающее отторжения и стремящееся теперь совершать его террористическими средствами. Девять десятых из числа граждан

Мериланда, Виргинии, Кентукки, Теннесси и Миссури желают возвратить отторгнувшиеся штаты в Союз. В пограничных штатах это большинство еще не отваживается говорить, но чувствует, что скоро будет подавлено насильственными средствами, если не успеет остановить движение. Понятно поэтому, что из южных штатов является множество проектов примирения.

Не меньше их является и на Севере. Натурально эти попытки со стороны северных демократов, партия которых держится лишь тем, что опирается на Юг, и быстро потеряла бы всякое значение по отделении Юга. Но хлопочут о применении также и многие из предводителей республиканской партии, господствующей на Севере. Эти люди руководятся уже исключительно патриотизмом, которому жертвуют выгодами своей партии. Они хотят предотвратить междоусобную войну, хотя очевидно, что в войне сила была бы на их стороне: мы видели в прошлый раз, что даже весь Юг и с пограничными невольническими штатами был бы ничтожен перед могуществом Севера; тем ничтожнее перед ними отделившиеся штаты, составляющие слабейшую половину Юга.

Посмотрим же теперь на главные основания проектов примирения, предлагающихся с Юга и с Севера.

Проекты, представляемые людьми пограничных невольнических штатов и северными демократами, все подходят в главных своих основаниях к проекту, первоначально составленному сенатором Криттенденом, который сам родом из пограничного невольнического штата Кентукки. Вот основания Криттинденова проекта. По программе республиканской партии, невольничество не должно быть допускаемо в землях, только начинающих населяться, еще не сделавшихся штатами по малочисленности своего населения, управляемых агентами союзной власти и называемых территориями. По программе плантаторских штатов, напротив, все территории должны быть открыты невольничеству. Криттенден предлагает разделить территории между Югом и Севером, приняв чертою разграничения линию $36^{\circ}30'$ северной широты: на север от этой линии невольничество в территориях не будет допускаемо, а на юг от нее будет охраняемо союзною властью. Черта $36^{\circ}30'$ предлагается потому, что она составляет южную границу свободного штата Канзаса, а далее на запад — границу между территорию Юга и территорию Новая Мехика. Это разграничение территорий, открытых и закрытых невольничеству, существовало прежде по так называемому миссурийскому компромиссу, полагавшему ту же самую линию границы $36^{\circ}30'$. Южные плантаторы отвергли миссурийский компромисс, думая захватить все территории. Теперь, как видим, пограничные невольнические штаты и северные демократы уже покидают большую половину своих претензий, отказываясь от территорий за миссурийскою чертою. Надобно сказать, что пространство на юг от нее в пять или шесть раз меньше простран-

ства, от притязаний на которое отказывается проект Криттендена. В этом состоит практическая сущность компромисса. Другие его основания или имеют лишь отвлеченное значение, или касаются пунктов, относительно которых нет серьезного спора. Криттенден предлагает, чтобы конгресс формально признал, что не имеет власти отменять невольничество в существующих невольнических штатах, — ныне республиканцы еще и не думают отменять невольничество в том или другом штате власти конгресса; они еще слишком слабы для мыслей о такой решительной мере. Криттенден требует тут гарантию не для настоящего, а для будущего, довольно далекого; а законы для будущего настоящее может предписывать, какие хочет, с уверенностью, что будущее распорядится по-своему, не стесняясь ими. Более практической важности в требовании, чтобы конгресс не имел власти отменять невольничество в округе Колумбия, пока оно существует в штатах Виргинии и Мериланде. Читатель знает, что округ Колумбия — небольшое пространство земли, на котором построена столица Соединенных Штатов, город Вашингтон: вся величина Колумбии — только две квадратные мили; это просто город Вашингтон с подгородною местностью. Он находится под прямым управлением союзной власти и лежит на границе невольнических штатов Мериланда и Виргинии. Отменить в нем невольничество — значило бы сделать его готовым приютом для невольников, расположенных бежать из Мериланда и Виргинии. Криттенден требует также, чтобы конгресс отказался от власти запрещать продажу невольников из одного штата в другой. Запрещать это — значило бы принудить пограничные невольнические штаты скоро отказаться от невольничества, потому что им уже невыгодно держать невольников для собственных земледельческих работ, и они, по местному выражению, «воспитывают невольников на продажу» в хлопчатобумажные штаты; республиканцы еще не надеются скоро провести через конгресс такое запрещение. Криттенден требует, чтобы в северных штатах были отменены местные законы, воспреещающие выдачу бежавших невольников, а союзный закон об их выдаче был изменен в таком смысле, что если народ северной местности, где скрылся невольник, не соглашается выдать его назад, то обязан заплатить цену этого освобождаемого невольника владельцу, от которого он бежал. — республиканцы были согласны на это с самого начала.

Пересмотрим теперь черты компромисса, на который соглашается Сьюард, предводитель республиканской партии в конгрессе, будущий государственный министр или первый министр Линкольна. Он предлагает разделить территории линией $36^{\circ}30'$ и немедленно образовать из южной части штат, с правом ввести в него невольничество, а из северной половины другой штат, с запрещением невольничества; каждый из этих штатов, имеющих слишком громадную величину, может впоследствии разделиться

на несколько штатов, по мере того как будет населяться. Сьюард согласен, чтобы конгресс не касался вопроса о невольничестве в существующих невольнических штатах и чтобы местные северные законы против выдачи бежавших невольников были отменены с изменением союзного закона о выдаче бежавших невольников в том смысле, что если народ не выдает бежавшего невольника, то должен заплатить за него деньги.

Словом сказать, между проектами предводителя республиканской партии и проектами пограничных невольничьих штатов нет никакой разницы. Если в проекте Сьюарда опущены некоторые условия, встречаемые нами в проекте Криттендена, эти условия имеют лишь отвлеченное значение и дойти до примирения в них вовсе не трудно.

В чем же состоят препятствия к восстановлению Союза? Есть по одному важному препятствию и на Юге и на Севере.

В отторгнувшихся штатах господствует партия, желающая междоусобной войны: она рассчитывает, что население северных штатов не захочет серьезно вести такую войну и после нескольких ничтожных стычек согласится на отделение южных штатов от Союза, лишь бы прекратить кровопролитие. Эта партия состоит из авантюристов, которые надеются завести в южной конфедерации такой же порядок, какой существует в Мехике, то есть основать на Юге господство вооруженных шаек, которые будут грабить плантаторов и вообще всяких богатых людей. Цель, как видим, очень проста и практична. Чтобы возвратились отторгнувшиеся штаты в Союз, жители южных штатов (и главным образом сами плантаторы, страдающие больше всех от нынешних поборов, налагаемых авантюристами) должны свергнуть иго этих авантюристов, — дело, не совершенно легкое, как мы говорили в прошлом обозрении.

А на Севере препятствием служит начинающаяся пробуждаться гордость массы населения. Юг беден, слаб, не может долго держаться без денег, станет жертвою анархического деспотизма, — он скоро принужден будет искать милости у Севера, — почему же не подождать этой поры, к чему спешить уступками, когда скоро восстановился бы Союз без всяких уступок со стороны Севера? Эти мысли начинают распространяться в массе республиканской партии: они уже настолько сильны, что ее предводители, желающие немедленно кончить раздор хотя бы и с уступками, колеблются прямо говорить, на какие уступки Югу были бы они согласны. Сьюард высказывает свои мысли уже не в прямой форме проекта, а лишь мимоходом, как бы нехотя, в виде своих личных желаний, не имеющих претензии являться основанием практических мер со стороны республиканской партии. Другие предводители ее не решаются делать и того: они только молчат; а второстепенные люди республиканской партии уже прямо дорисуют Сьюарда за готовность к уступкам.

Но все-таки мы еще и теперь не отваживаемся предсказывать ту развязку дела, которая для большей части европейских газет кажется уже совершившимся фактом. Мы не отваживаемся надеяться, что действительно отпадет от Союза Юг, который, по видимому, уже вышел из Союза: решения, принятые конвентами отторгнувшихся штатов и самые решения общего конвента их, собравшегося в Монтгомери, — все это пока еще только террористическая мистификация, слишком шаткая. Мы боимся, что она не удержится, что Юг слишком рано почувствует невыносимость своего положения, что на Севере патриотизм слишком рано возьмет верх над убеждениями, сострадание к Югу возьмет верх над чувством гордости, что будет заключен компромисс, при котором невольничество на Юге станет падать не так быстро, как стало бы падать в одном штате за другим штатом южной конфедерации при действительном расторжении Союза.

Переходя в Европу, мы не будем представлять своих соображений о важнейшем из развивающихся вопросов — австрийско-венгерском; мы приведем только выписки из газет.

В прошедшем обозрении мы остановились на том, что 16 января послан был в венгерские комитаты рескрипт, излагавший основные черты намерений австрийского правительства относительно Венгрии. Вот перевод главных мест этого документа:

«С спокойствием и снисходительностью смотрели мы на первые опрометчивые шаги в ходе венгерской общественной жизни. Мы приписывали их взволнованному направлению времени, вспышке страстей, долго сдерживавшихся и отвыкших от общественной деятельности. Но теперь, когда некоторые комитаты при выборе комиссий принимают в них таких индивидуумов, которые, будучи непримиримыми противниками нашей монархии и наших владетельных прав и соединяясь с внешними врагами, нарушают спокойствие наших земель коварным заговором и дерзким возбуждением к мятежу; когда делается попытка воспользоваться различием мнений о будущем решении вопроса относительно налогов в том духе, чтобы произвести отказ от платежа налогов, чем ослабляются материальные средства государства, сплываются понятия народа и придается общественному положению такое направление, о котором сами его легкомысленные и лицемерные представители должны знать, что оно не может быть терпимо, теперь, когда необходимейшие переходные постановления к сохранению порядка в юридических отношениях частных лиц отстраняются с нетерпеливою торопливостью; когда некоторые комитаты, под предлогом охранения общественной тишины, восстанавливают и вооружают национальную гвардию с обременением народа, а при определении содержания комитатским чиновникам совершенно отстраняют надлежащее наблюдение наших начальств и, забывая свое назначение, не колеблются преступать границы своих законных прав и как независимые корпорации присваивать себе почти всю государственную силу, — теперь становится неизбежно обязанностью решительно воспротивиться этим преступным превышениям прав и не потерпеть, чтобы конституционному свободою пользовались по способу, ведущему через низвержение общественного порядка к революции.

Вера наших народов в искренность нашего намерения восстановить конституционный порядок поколебалась бы, если бы продолжали быть терпимы анархические стремления, развитие которых всегда погибелью бывает всякой законной свободы. Мы неизменно сохраняем наши решения 20 октября истек-

шего года и сумеем охранить для наших народов обещанное им конституционное развитие, а относительно нашего королевства Венгрии сдержать все, что было ему обещано. Но столь же тверда наша воля всюю силою воспротивиться революции, в каком бы виде ни являлась она: явно ли, или скрываясь лицемерно в одежде законных форм; мы не сомневаемся, что найдем поддержку в истинном патриотизме всех лучших элементов: они не потерпят, чтобы на пути мирного соглашения постановлялись препятствия, вызываемые страстью или эгоизмом некоторых лиц. Сообщая эти наши намерения и предостережения к сведению всех комитатов нашего королевства Венгрии, мы твердо повелеваем:

1) Повсюду, где дерзнули избрать в члены комитатских комиссий живущих за границею мятежников и изменников, в сообществе с внешними врагами нашей империи и доселе еще продолжающих преступные козни против нас и государства, эти выборы объявляются недействительными и ничтожными.

2) Под страхом строгого наказания повелеваем, что все попытки, имеющие целью прямо или косвенно остановить сбор прямых податей и косвенных налогов или самовластно установить новые налоги, должны быть отменены, все таковые решения немедленно уничтожены и об исполнении этого повеления безотлагательно извещено королевское наместничество».

(В третьем и четвертом §§ предаются такому же уничтожению принятые комитатами меры к замене учрежденных венским правительством судилищ и введенных ими законов судилищами и законами, установленными в 1848 г.)

Предполагалось, что этот рескрипт успокоит Венгрию; потому в официальном органе австрийского правительства, Пешт-офенской немецкой газете («Pesth-Ofener Zeitung»), при его напечатании была помещена следующая статья:

«С глубоким чувством радости обнаружив выше напечатанный высочайший манифест, мы твердо убеждены, что при прочтении его мгновенно исчезнет уже несколько недель тяжко лежавшее на груди всех друзей порядка обременение и радостно отдохнет вся страна, не исключая даже и тех, которые почли нужным принять деятельную роль в разрушении всех государственно-общественных связей, предпринимавшемся мнимо в духе конституционной деятельности, а ныне милостивейшим образом приглашаются к возвращению на прямой путь. Ныне ободряются города, повсюду заключающие в себе столь многие элементы порядка, для которых *suprema lex* (верховным законом) служит не закон 1848 г., в сущности никого не удовлетворяющий и в каждом слове своем носящий характер временного постановления, а *salus publica* (спасение государства); верховный правитель дает им в руку компас и указывает тем направление, которому впредь они должны следовать и которому доселе отчасти только потому не следовали, что опасная, почти неизлечимая болезнь Венгрии, — страх стать непопулярным в толпе, — на сей раз появилась с необычайною силою».

Но эта надежда не оправдалась. Комитаты один за другим выразили свое несогласие с мыслями, какие рекомендовались для них. Приводим в пример ответ пештского комитата:

«Когда ваше величество, устранив по праву и обязанности государя насильственные решения, вступили на путь конституционного правления и в исполнение этой возвышенной задачи сообщили нации ваши высочайшие решения от 20 октября прошедшего года, нация, как бы забывая еще продолжавшееся обременение 12-летнего насильственного господства и видя в вашем дипломе инициативу дальнейшего развития, с доверием встретила королевскую волю, в надежде и уверенности, что ваше величество уступите высказывающемуся требованию нации и построите на твердом основании законной конституции организм воздвигаемого государственного здания.

Дуализм абсолютизма и конституционизма невыносим в государственном организме, и если разрушительные припадки этого дуализма будут возобновляться постоянно, то само государство разрушится ими. Сознанием этой неопровержимой истины руководилась комиссия пещтского комитета до настоящей минуты во всех своих действиях; она и в своих решениях и в своих предложениях и даже на скользкой почве своих совещаний заботливо избегала раздражительных обвинений за прошлое; важный, но щекотливый вопрос о королевских правах и обязанностях оставляла она в молчании; она не хотела раскрывать гробы погибших, еще дымящиеся кровью; она подавляла в себе живо рвавшиеся наружу чувства о глубочайшем унижении нации чужеземным управлением; но с тем вместе комиссия по своему неотъемлемому праву открыто и откровенно, без всякой задней мысли, объявляла, просила и требовала, чтобы реорганизация была начата и введена на основании законов и конституции, в противность народному праву подавленной, но не отмененной. Действуя таким образом, комиссия с спокойною совестью полагала, что открывает путь к мирному соглашению и успокоению и с тем вместе верно охраняет законную основу для государственной жизни нации.

Диплом 20 октября намеревался отнять у законодательной власти нации право располагать налогами и набором войска, финансовой и кредитной частью, таможенным и торговыми делами, почтою, телеграфами и железными дорогами и хотел подчинить эти коренные основы конституционного устройства законодательному собранию, чуждому нации, находящемуся за границами нашего отечества, словом сказать — собранию, чуждому и неизвестному для нашей конституции; потому он нарушает наши основные законы, говорящие, что налоги определяются венгерским сеймом; нарушает те законы, которые дают нации право управлять своими делами самой, с исключением всякого иноземного влияния. В нынешнем милостивом рескрипте ваше величество благоволите объявлять, что намерены восстановить прежнюю конституцию Венгрии и с тем вместе оставить при началах, выраженных дипломом 20 октября; потому нация видит себя в необходимости полагать, что ваше величество благоволите считать диплом 20 октября и выраженное в нем преобразование конституции за дело уже совершившееся; но нация расположена видеть в этом дипломе только королевское желание, предлагаемое на обсуждение сейму; потому что по венгерской конституции даже и пламеннейшие желания королей об изменении того или другого закона могут осуществляться только через согласие на них национального сейма. При таком положении дел неизбежно должна была наступить настоящая критическая эпоха, когда согласные с конституцией и законами распоряжения комитатов кажутся вашему величеству Фантомами революции, облеченной видом законности, а для нации кажутся зародышами нарушения национальной самостоятельности и конституции действия правительства, быть может и благонамеренные, но не строго законные. Восстановленные вашим величеством комитатские власти могут существовать лишь как строго законные органы, и, не имея никаких законодательных прав, эти органы не могут принимать и исполнять никаких противоречащих нашим законам распоряжений, от кого бы они ни происходили; потому, что иначе комитатские власти не были бы законными, а явились бы органами произвола. Результат этого прискорбного положения — настоящий рескрипт вашего величества, порицания и строгости которого смягчатся или, лучше сказать, уничтожатся, если положение дел будет рассматриваться с законной точки зрения, на какой стоят комитатские власти».

На четыре пункта порицания все комитаты отвечали одинаково: эмигрантов (Кошута и его помощников) они называли людьми, которые не были судимы по венгерским законам и потому сохраняют свои законные права по венгерским законам; охранению начальств, правил и налогов, установленных австрий-

цами, комитаты не могут содействовать, потому что не имеют законодательной власти, принадлежащей только венгерскому сейму, и должны лишь исполнять законы, а венгерские законы не признают этих начальств, правил и налогов.

По вопросу о венгерских эмигрантах, возникающему из рескрипта 16 января, вот небольшой отрывок из парижской корреспонденции «Times'a»:

«Париж, 17 января.

Венгерские эмигранты объявляют, что не имеют никакого желания получить амнистию от императора Франца-Иосифа. Уже самым тем фактом, что восстанавливаются законы 1848 года — уничтожаются все приговоры, произнесенные против людей, сражавшихся с австрийским правительством. Венгры говорят, что возвратятся на родину по приглашению своего сейма, а не по милости правительства; по этой же причине и было на-днях отвергнуто пештским комитатом предложение Кубини о том, чтобы представлена была императору просьба о даровании амнистии эмигрантам. Отвергая предложение, комитат объяснил эту причину и выразил глубокое сочувствие всей нации к изгнанникам, которые среди печальнейших обстоятельств не отчаивались за свою родину и немало содействовали успеху настоящего движения к восстановлению ее свободы.

Теперь приведем несколько отрывков из венской корреспонденции «Times'a»:

«Вена, 14 января.

Есть признаки, что правительство готовится прибегнуть к вооруженной силе для восстановления своего господства над Венгрией. Трансильванская армия уже приведена в готовность к походу, а в Гросвардейне формируется так называемый обсервационный корпус. Имена лиц, избранных конгрегациею нogradского комитата в члены комитатской комиссии, дадут вам достаточное понятие о состоянии венгерских дел. В числе избранных находятся Кошут, Клапка, Владислав Телеки, Тюрр. Вчера мне объясняли, что венгерская нация решила не избирать палатином никакого австрийского эрцгерцога, и когда я спросил, кого же выберет сейм палатином, мне отвечали, что много шансов имеет граф Владислав Телеки» (помощник Кошута, недавно выданный саксонским правительством австрийскому и помилованный императором).

«Вена, 30 января.

Носится слух, что гонгский комитат (который особенно резко отвечал на рескрипт) объявлен находящимся в осадном положении; но я убедился, что молва эта неосновательна. Вскоре по обнародовании рескрипта 16 января были несомненные признаки, что правительство готовится прибегнуть к крайним мерам; но после того мысли кабинета изменились: теперь он понимает, что употребление военной силы в Венгрии повело бы к междоусобной войне, которая может кончиться распадением империи. Чтобы по возможности уничтожить неприятное впечатление, произведенное за границею рескриптом 16 января, «Венская газета» (официальный орган правительства) говорит, что решения, объявленные в императорском рескрипте, были приняты лишь для восстановления порядка в Венгрии и что император, созывая сейм, ясно доказал свое намерение идти законным путем. В статье, озаглавленной «Ожидания венгров», «Пештский Ллойд» говорит, что барон Вай, вероятно, жалеет о своем согласии на рескрипт 16 января, но что его соотечественники не сердятся на эту его уступку требованиям, потому что обнародование рескрипта, говорит «Пештский Ллойд», «доставило нации случай прямо и свободно выразить свое мнение о дипломе 20 октября. Венгры, служащие ныне венскому правительству, вероятно, говорили императору, что нация будет

довольна сделанными уступками. Но адреса, посланные в Вену комитатами гранским, бекешским, гонтским, зипским, шульвенсейбургским, гёмёрским, барским, шомодьским, зольским и веспримским, должны были разрушить всякое самообольщение. Другие комитаты последуют этому примеру (действительно, в последних числах января и в первых числах февраля все остальные комитаты, за исключением одного, прислали такие же адреса), а сейм будет верным их эхом. Венгерская нация требует от австрийского правительства безусловного признания законов 1848 г.». Городское начальство Сегедина решило, что каждому «честному» человеку дозволяется носить оружие; но австрийские начальства, вероятно, не признают законности такой меры. В Сегедине учредился комитет общественного блага; австрийский областной начальник потребовал, чтобы комитет был распушен. В ответ на это граждане Сегедина сказали, что в настоящее время не могут исполнить такого требования, а в будущее время объявят причины, по которым поступают теперь таким образом. Австрийские начальства всячески стараются склонить комитаты, чтобы они занялись приготовлениями к выборам на сейм; но комитаты не хотят делать этого и, вероятно, не займутся выборами, пока правительство не признает безусловно избирательный закон 1848 года».

«Вена, 6 февраля.

Несколько дней тому назад я писал вам, что правительство не хочет «без крайней надобности» употреблять насильственных мер. В последние две-три недели венгерский вопрос возбуждал жаркие прения между государственным министром и бароном Ваем. Шмерлинг говорил венгерскому канцлеру, что правительство сумеет восстановить тишину и порядок в Венгрии, если не умеют поддерживать их местные власти. Барон Вай возражал против насильственных мер и был поддерживаем графом Рехбергом, находящимся, как говорят, совершенно под влиянием графа Сечена. Но государственный министр превозмог своих противников. Это было причиною тому, что барон Вай согласился подписать угрожающий рескрипт 16 января. После того образ действий Деака и Этвеша (предводителей умеренной мадьярской партии, всячески старающихся сдерживать движение) снова расположил правительство в пользу венгров, и вероятно, что оно сделает некоторые уступки, чтобы могла усилиться в Венгрии умеренно-либеральная партия, которая чрезвычайно желает сохранить соединение Венгрии с Австриею. Но если императорский кабинет останется при своей нынешней политике, то партия, желающая отторжения, совершенно восторжествует в Венгрии».

«Вена, 11 февраля.

Жители Вены не ожидают, что новая конституция будет слишком либеральна; но и они, вероятно, найдут, что не стоило терять бумагу для напечатания такой конституции. Представительное собрание будет расширенным государственным советом, разделенным на две палаты, одна из которых, верхняя, будет во всем повиноваться правительству. В уставе для государственного сейма не будет употреблено и слово «конституция», а вместо слова «палата», вероятно, будет употреблено слово «курия» (термин, употреблявшийся в средневековых сеймах). Австрийское представительное собрание будет только тенью парламента; но Шмерлинг льстит себя надеждой, что венгры согласятся признать власть этого собрания во всех делах по установлению налогов. Я имел несколько разговоров с венграми умеренной партии, и все они говорят, что венгерская нация никогда не признает права устанавливать в Венгрии налоги за австрийским правительством или государственным советом. «Мы обданы, говорят они, давать австрийскому правительству 30 милн. гульденов в год, и больше этого мы не станем платить, если больше этого не даст наш сейм». Барон Вай находится в чрезвычайном унынии, как и следует ему быть: он знает, что скоро будут приняты очень сильные меры против его соотечественников».

«12 февраля.

Здесь господствует некоторое уныние, потому что публика знает, что ни один из членов императорской фамилии не расположен к конституционной форме правления. Чувствуется, что Австрии предстоит смутное время, и мнение публики об этом предмете очень верно выражено в следующем отрывке, который беру я из нынешнего номера здешней газеты «Ost-Deutsche Post»:

«Дела Австрии плохи. Финансы в страшном беспорядке, а конституция еще в зародыше, так что невозможно сказать, что из нее выйдет. Диплом 20 октября, вероятно составленный торопливо, породил затруднения, конца которых невозможно предвидеть. Народы, населяющие Австрию, подвергнутся тяжелым испытаниям. Их имущества и спокойствие находятся в опасности. Может произойти великий финансовый кризис; может возникнуть внешняя война и внутренняя война. Но мы убеждены, что империя не разрушится, если правительство в состоянии решиться на уступки, необходимые для блага нации. Доселе Австрия держалась насильем и штыками. Испробуем другую систему. Пусть народу будет предоставлена конституционная свобода, а штыки берегутся против внешних врагов. Дайте империи действительно либеральную конституцию, и внешние враги перестанут быть опасными для Австрии».

«Вена, 13 февраля.

Вчера барон Вай уехал отсюда в Пешт, чтобы иметь там конференцию с жупанами венгерских комитатов, получившими от него на-днях циркуляр, сущность которого такова.

«Когда императорский рескрипт 16 января был послан в венгерские комитаты, я почтительно просил вас употребить ваши усилия, чтобы склонить управляемый вами комитат к повиновению приказаниям его величества, чтобы мое положение сделалось менее тяжело и чтобы возрастающие затруднения были устранены скорым созванием сейма. Прения, порожденные императорским рескриптом во многих комитатах, заставляют меня опасаться, что мои ожидания не исполнятся. Комитаты занимаются бесплодными прениями о законности или незаконности существующих временных учреждений и не хотят признавать необходимости их на кратковременный переходный период. Необходимо нам сообразить последствия, к каким может вести такой образ действий; и потому осмеливаюсь просить вас приехать на свидание со мною в Пешт 14 числа нынешнего месяца, чтобы мы могли изустно обменяться мнениями по этому делу».

Почти никто в Вене не ждет, чтобы барон Вай успел достичь цели в этих переговорах с жупанами».

Действительно, собравшиеся в Пешт жупаны сказали барону Ваю, что комитаты действуют на законном основании и не имеют права действовать иначе.

Вот еще один документ. Венский министр финансов разослал к торговым палатам циркуляр, в котором просил у них советов относительно средств к улучшению вексельного или, что в Австрии почти то же, ассигнационного курса. Из всех частей империи торговые палаты отвечали в одном и том же духе, примером которого пусть послужит ответ, данный министру финансов пражскою торговою палатою:

«Единственным решительным средством к восстановлению курса представляется нам скорое составление по возможности удовлетворительной для всех классов населения конституции и следующее затем немедленное созвание государственного представительного собрания, избранного прямым образом по либеральному избирательному закону. Вместе с тем должна стать коренным

Законом ответственность министров перед этим собранием, которое немедленно признает существующий государственный долг. Сообразная духу времени конституция, которой присягнет император, заключает в себе ручательство за прочный, независимый от смены лиц порядок в государственном хозяйстве и, создав доверие и довольство внутри империи, сгнет лучшую опору ее внешнего могущества, потому что государство, столь обширное, как Австрия, в самом себе находит силу, охраняющую от опасностей целость его, когда поддерживается патриотизмом своего населения, готового на жертвы. Таково коренное условие, от которого зависит решение всего вопроса. Другие меры могут иметь силу лишь в той мере, в какой имеют они связь с этим условием, и лишь в этом предположении палата может рекомендовать к исполнению еще следующие меры: 1) уменьшение влияния правительства на национальный банк до той границы, какая полагается выгодно публики; 2) для погашения еще неуплаченного долга государства национальному банку заключение процентного займа с погашением его по вперед определенному плану в течение известного числа лет; заем этот должен быть утвержден представительным собранием государства. Ваше превосходительство благоволит употребить все ваше влияние для немедленного введения конституции для всего государства».

Теперь конституция уже обнародована. Она в существенном сходна с основаниями, предначертанными в дипломе 20 октября. Палата представителей составляется из депутатов, избираемых провинциальными сеймами; министры не ответственны перед нею; об отмене прежних постановлений относительно газет не упоминается. Разница от оснований диплома 20 октября в сущности только одна: к палате, составляющейся из депутатов, назначаемых провинциальными сеймами, прибавляется другая палата, состоящая отчасти из высшей титулованной аристократии по фамильному праву, отчасти из лиц, жалующихся в члены этой (верхней) палаты по усмотрению императора. Как и сказано было в дипломе 20 октября, этому собранию подчиняется венгерский сейм наравне с другими провинциальными сеймами.

О делах остальных земель Западной Европы можно ограничиться на этот раз несколькими словами. Законодательный корпус, собранный в Париже в начале февраля, оправдывает уверенность, выраженную нами при издании декрета 24 ноября, что перемены в способе управления и законодательства не предполагалось произвести этим декретом. Дела Франции ведутся попрежнему. Изданная в половине февраля официальная брошюра «Франция, Рим и Италия» показывает, что император французов глубоко огорчен недоверием папы к его советам и несогласием папы на его желанья; но следует ли из этого, что император французов намерен лишить папу своего великодушного охранения, вывести французский гарнизон из Рима? Об этом брошюра не говорит, конечно потому, что император французов намерен действовать сообразно с обстоятельствами.

Гаэта сдалась. Надобно ожидать, что после этого довольно быстро успокоятся те неаполитанские провинции, в которых еще продолжалась междоусобная война. Итальянский парламент провозгласил Виктора-Эммануэля королем Италии. Всего этого следовало ждать.